

Comic means in Christopher Buckley's novel they eat puppies, don't they?

Diyora PULATOVA¹

Uzbekistan State World Languages University

ARTICLE INFO

Article history:

Received January 2023

Received in revised form

10 January 2023

Accepted 25 February 2023

Available online

15 March 2023

Keywords:

political satire,
contradiction,
means of artistic expression.

ABSTRACT

This article presents an analysis of the artistic means and author's methods of creating comedy used in the novel *They eat puppies, don't they?* In this novel, a skillful mixture of stylistic devices with the thinking stereotypes of ordinary Americans is noteworthy. The author's manner of selecting artistic means of expression to create the most antagonistic camps arose interest. At the same time, this article also presents an analysis of toponyms with their historical and cultural features inherent in the country. This work does not provide detailed information about the composition and the ideological-thematic component of the novel.

2181-3663/© 2023 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol1-iss2-pp63-71>

This is an open-access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Kristofer Baklining "ular kuchukchalarni yeydi, to'g'rimi?" nomli asarida komizm vositalari

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

siyosiy satira,
muxolifat,
badiiy ifoda vositalari.

Ushbu maqolada romanda qo'llanilgan badiiy vositalar va muallifning komediya yaratish usullari tahlil qilingan. K. Baklining ushbu romanida stilistik vositalarning oddiy amerikaliklarning fikrlash stereotiplari bilan mohirona aralashmasi diqqatga sazovordir. Muallifning eng antagonistik lagerlarni yaratish uchun badiiy ifoda vositalarini tanlash uslubi qiziqish uyg'otadi. Shu bilan birga, ushbu maqolada toponimlarning mamlakatga xos tarixiy-madaniy xususiyatlari bilan tahlili ham berilgan.

¹ Teacher, Independent Applicant, Department of Linguistics and English Literature, Uzbekistan State World Languages University. Tashkent, Uzbekistan.

Средства создания комизма в романе Кристофера Бакли они ведь едят щенков, правда?

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

политическая сатира, противопоставление, средства художественной выразительности.

Данная статья представляет разбор художественных средств и авторских приемов создания комизма, использованных в романе, они ведь едят щенков, правда? В данном романе примечательна искусная смесь стилистических приемов со стереотипами мышления рядовых американцев. Интерес представляет и авторская манера подбора художественных средств выразительности для создания максимально антагонистических лагерей. При этом в данной статье также представлен разбор топонимов с их историко-культурными особенностями присущими стране. В данной работе не предоставляется подробной информации о композиции и идейно-тематической составляющей романа.

ВВЕДЕНИЕ

Язык сатиры Бакли богат на различные художественные средства выразительности. С первых страниц романа повествование насыщено тропами и стилистическими фигурами. Так, с первых строк мы видим синтаксический прием – композиционный стык «...senator ... had been droning on for over five minutes; droning about drones». Также обилие эпитетов «the great state...», «satanic homonym» создает негативное отношение к сенатору из Нью-Йорка, виновного в отмене финансирования проекта «Дамбо». [1. С. 6]

Так как, по авторской задумке, в этом романе противопоставляется КНР США, то и художественные средства выразительности разнятся от одной части к другой.

Таким образом наибольшая часть художественных средств встречается в капиталистической части романа. Однако, коммунистическая часть изобилует официально-деловой лексикой и буквально «пропитана» политикой, в этой части больше политических реминисценций на исторические события.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим американскую часть романа и основные художественные элементы, использованные Бакли для создания полной картины американской действительности.

В частности, примечателен аргумент, придуманный Уолтером во время обсуждения проекта «Дамбо»: «...the world where one-third of the so-called general public are in their kitchens making IEDs to kill American soldiers. Another third are on the Internet recruiting suicide bombers. And the last third are on cell phones planning the next 9/11...» [1. С. 20]. В этой емкой гиперболизированной фразе нашло отражение как отношение милитаристов к населению, так и реминисценция на национальную трагедию 9 сентября 2001.

Именно эта террористическая атака организации «Аль-Каиды» явила собой отправную точку милитаристской внешней политики США потому, что после этой трагедии Буш старший объявил о начале «войны с терроризмом» и последующем вводе войск на территорию Афганистана.

Не менее значимая аббревиатура IED – «improvised explosive device» – еще один страх большей части американцев так, как самодельное взрывное устройство (СВУ) собирается из подручных вещей и может быть собрано на любой кухне. По истине ночной кошмар американца, который живет ничего не подозревая о намерениях своего соседа. История с СВУ также была достаточно часто транслируема по телевидению, когда спящие ячейки террористических организаций на территории США, после многих лет спокойной жизни по средствам СВУ и смертников привнесли ужас в жизни многих американцев.

Реакция на такой эмоциональный посыл была предсказуемой: «The committee collectively stiffened» [1. С. 20]. Бакли в этой метонимии удачно подобрал глагол, такая реакция как «окаменели от ужаса» идеально отражает культурно-историческую особенность мышления американцев и современные реалии.

Интересна экспозиция талантливой манипулятора Уолтера Макинтайера «An unearthly sound – clarions, shrieking – summoned Bird from the land of the undead. Gummily, his eyes opened. The hellish sound continued. As his wounded brain clawed its way back to consciousness, it dawned on him that it was his cell phone» [1. С. 8]. Эпитеты «unearthly», «hellish», «wounded» и «gummily» специально нагнетают обстановку чтобы создать всю тяжесть ситуации после драматичного провала и последующего «утопления» горя в крепком алкоголе.

Красочные перифразы «the land of the undead», «clawed its way back to consciousness» и «it dawned on him» обозначают беспробудный сон, тяжелое пробуждение и долгожданное озарение. По сути, за этой эвфемизацией стоит простая ситуация тяжелого похмелья.

Высокопарности добавляет известная композиция Вагнера «полет Валькирий»: «The Valkyries shrieked anew» [1. С. 9]. Здесь мелодия приравнена к крику, а персонажа полностью опустошенного не ценящего прекрасное Бакли сравнил с нечистью: «He shrank like a vampire caught out past the dawn». Для изображения затуманенности сознания Бакли использует парцелляцию: «Coffee. Must. Have».

Окказионализм под эту ситуацию «caffeination», подобранный автором был не единственным тропом, была также использована перифраза: «had been injected with piping-hot Kenyan stimulant». Вся тяжесть сложившейся ситуации емко уместилась в жаргонизме: «he needed a snort of booze to get himself going again in the morning». [1, с. 10] Фраза «a snort of booze» близка к жаргону пьющих элементов общества, но в повседневной жизни ее также используют – «глоток выпивки».

Кристофер Бакли использует метафоры и сравнения для создания комичных моментов и самоиронии персонажа. Следовательно, Уолтер шутит: «...Okay. We are go for neuron function. On one. Three, two, one. Initiate neuron function. Whazzup?», «Lucky? Three hundred pounds of meat, fur, and hoof coming through the windshield at sixty miles an hour? This a definition of lucky?» [1. С. 25]. В первом случае это имитация запуска ракеты, а во втором случае полное недоумение как можно считать счастливым человеком, сбившего лося на дороге.

Такой прием как риторический вопрос также оказался в инструментарии сатирика, например: «He wondered–it was surely a logical question: Why would slaves risk their lives to save the Massa’s house?» тоже в арсенале писателя [1. С. 35].

Пусть и мысленный этот вопрос показывает, как обманывают всех покупателей имений агенты по недвижимости в пригородах южных штатов. Юг во время гражданской войны выступал за сохранение плантаций и афроамериканской рабочей силы.

Неотъемлемой частью культуры южных штатов были рассказы про то, что сами афроамериканцы не хотели свободы и предпочитали жить с «хозяевами», и спасали, рискуя своей жизнью, дома «хозяев» от солдат «янки». Безусловно были исключения, и вполне возможно одна такая история действительно имела место быть, но в основном это просто вымысел, красивая история для увеличения рейтинга продаж недвижимости.

Иронично то, что Уолтер, как и агенты по продаже недвижимости занимается надувательством, только масштабы Макинтайера значительно больше рынка недвижимости. Несмотря на схожесть ремесла и рассудительность главного героя, он по настоянию Минди, покупает резиденцию и соглашается на разорительный обман. Этот поворот сюжета отчетливо показывает неодобрение автора всяческих афер и мошенничества. Здесь агент по продаже воплощение третьего закона Ньютона – закон равенства действия и противодействия – Уолтер оказался жертвой маркетинга.

Бакли умело вплетает факты экономического и политического характера в канву романа по средствам диалогов героев, вводных конструкций и отступлений. Например, по средствам сравнения в диалоге Уолтера с Минди автор объяснил сложный механизм экономической системы государства и взаимосвязь его частей: «the stock market would dive like a submarine, taking the economy with it, and defense spending» [1. С. 33].

Художественную ценность представляет еще один персонаж, который воплощает разнообразие средств в авторском арсенале. Чик Девлин часто использует жаргонизмы характерные для южных штатов, Алабама – официально названа «Сердце Юга».

Если Уолтер употреблял «dude», то Чик – «pal» и «a nerd». Конечно же «a nerd» имеет пейоративную окраску и не так часто употребляется в качестве синонима «dude». Вследствие этого, Девлин воплощает склонность рядовых американцев часто употреблять грубую лексику в дружественной обстановке.

Неприятнь между жителями разных штатов, особенно к представителям города Вашингтон, где базируется политическая элита страны, прослеживается в высказывании «...Washington types». [1. С. 40]

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Политическая элита у Бакли неравномерно подверглась сатире, так обитатели капитолийского холма это – «those limp dicks and fainting hearts and imbeciles in the United States Congress», в то время как президент это – «you-know-who». Ранжирование политического авторитета от оскорблений до перифразы наглядно показывает иерархию принятия госбюджета и расходов на оборону – сенаторы и конгрессмены – первый этап и наиболее проблемный, а президент обладает исключительными полномочиями.

В добавок ко всему интересна интерпретация исторических событий, гражданская война для Чика это «War of Northern Aggression».

В повествовании также встречаются исторические неточности, так Девлин говорит: «...KGB hauling your daddy off to the gulag». [1. С. 36] ГУЛАГ – это главное управление лагерями – подразделение НКВД, потом МВД и в последствии Министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство местами заключения. В управление арестантов или людей под следствием не привозили, для этого есть места заключения.

КГБ, в свою очередь, функционировало с 1954 по 1991 год, в то время как пик политических репрессий пришелся на 1937–1938 годы, когда людей действительно отправляли в лагеря ГУЛАГа. Конечно, репрессии были не только при Сталине, но и при последующих руководителях. Однако ошибка заключается в том, что ГУЛАГ не подчинялся КГБ, а подчинялся НКВД и управление – это не тюрьма и не лагерь.

События настоящего в повествовании, конкретно провал с финансированием «Дамбо» утрируется в форме градации: «At the rate we're going, we'll be fighting our enemies with slingshots. Rocks. Clubs. God almighty». Для событий будущего, в частности нового проекта «Телец», автор также использует градацию: «I'm talking Manhattan Project stuff. Twenty-second century. This thing'd give the Lord himself a case of the shits» [1. С. 42]. Как для будущего, так и для настоящего автор использует религиозную лексику в сочетании с бранью, этим приемом Бакли продемонстрировал роль религии в южных штатах.

В тоже время для южан упоминание божественного вполне может выступать в качестве эвфемизма: «How on God's green earth is that going to look? My board of directors would have my ass for supper» [1. С. 61].

Аллюзия на библейские предания также встречается в романе: «Gomorrah-on-the-Potomac», в форме перифразы и подразумевает кондоминиум Уолтера. В данном контексте отсылка к библейскому городу, уничтоженному за грехи жителей, не случайна, так как словосочетание Содом и Гоморра используют для характеристики девиантного сексуального поведения, то это намек на поворот в сюжете – измену Уолтера.

В целом же, для американцев характерны выражения «damn much» и эвфемизмы, такие как «You son of a gun, where the heck you been keeping yourself?». Примечательно и то, что Бакли использует различные заимствования исключительно в этой части романа, с французского «McIntyre oeuvre» – роман Уолтера, «avoirduois» – система весов, «crème de la crème» – элита, «laissez-faire» – попустительство; с латыни «Dulce et decorum est pro patria mori» – как прекрасно умереть за Родину [1. С. 58].

Рассматривая чувство патриотизма, следует отметить, что в коммунистической части романа патриотизм граничит со слепой верой в могущество, справедливость партии и величие предков.

Все начинается с родословной, в которой отчетливо прослеживается преемственность поколений лидеров КНР «Comrade President Fa was of the disidai, the fourth generation of Chinese leaders after Mao Zedong». Культ личности Мао Цзэдуна присутствует в современном Китае, хоть и фигуру Мао воспринимают неоднозначно. Официально используют формулу оценки его деятельности, разработанную самим Мао для оценочной характеристики действий Сталина: «70 % побед и 30% ошибок» [2].

Следовательно, и речь чиновников, особенно их доклады отражают культурно-исторический аспект формирования КНР. Поклонение партийным лидерам и открытая политическая пропаганда «...“theocratic gangsterism” of Tibet under the lamas before China “liberated” the country in 1950, a year after the glorious success of Chairman Mao’s Great Revolution» [1. С. 63].

Учитывая, что действие романа происходит в современном Бакли мире, примерно 2011-2012 года, то отношение к Тибету у Китайцев осталось на уровне середины двадцатого века, в частности момент присоединения Тибета к Китаю под руководством Мао. Бакли не раз подчеркивает кровавое подавление восстаний в Тибете, массовые расстрелы. В этом ключе выражается и генерал Хань: «grease the treads of our tanks with the guts of five hundred lamas». В этой цитате призывается начать открытый геноцид лам на Тибете, дословно: «смазать гусеницы наших танков кишками 500 лам».

Военным в коммунистической части свойственна жестокость, а проявление гуманизма и курс на миролюбивое разрешение конфликтных ситуаций вызывало неодобрительную реакцию, показанных в повествовании в форме метонимии «This raised a few party eyebrows back in Beijing».

Однако в руководстве Китая и кулуарная вежливость, и подчеркнутая формальность имели место быть: «“Comrade President. Minister Lo has arrived.” “Thank you, Gang. Please show him in.”», «If you will do us the honor, come with Madam Fa to our house» [1. С. 72].

Обращения в этой части романа подчеркнута коммунистические: «Comrade Provincial Secretary», «Comrade». Обращения в капиталистической части зачастую либо по имени, либо по прозвищу и автор ни разу не употребляет обращение «товарищ».

Также речи чиновников в США направлены на пробуждение эмоциональной реакции, зачастую примитивной как гнев или страх. В КНР речи и доклады чиновников выражают нарочитую высокопарность и уважение к партии: «...total unquestioning obedience to the party is the truest path to freedom” ... “resisting with diligent and patriotic strenuousness those who proclaim the so-called superiority of Japanese-manufactured televisions...». Для читательской публики вне коммунистического лагеря такие заглавия вызывают комический эффект [1. С. 76].

Краеугольным камнем в повествовании выступает образ Далай ламы и реакции основных персонажей в обеих частях зеркально сопоставляются Бакли. Уолтер узнав о смертельном диагнозе Далай ламы сопереживал и председатель Фа: «A cigarette. He must have a cigarette». Автор использует именительные темы в обеих частях романа для выражения эмоционального накала.

Сарказмом пропитаны высказывания Энджел и министра Ло о ситуации с Далай ламой. Энджел переходит на сарказм сразу без каких-либо сожалений «He’s the Dalai Lama. He’ll reincarnate». Сначала в речи китайцев об отравлении Ламы появляется ирония «...the clam was an insufficiently reincarnated blowfish.», а потом уже сарказм «According to the reports, he’s toast, right?» [1. С. 78].

Призыв к убийству Далай ламы сначала маскировали под эвфемизм, отраженном в названии главы 8 «the humanitarian thing to do». Впоследствии, эвфемизм сменился градацией «There are so many ways, Comrade. Dozens.

We have an entire division for this. Thirteen Bureau». Иными словами, автор позиционирует китайский режим как сложный механизм с отдельным органом по устранению негодных политическому руководству людей.

С особой кровожадностью запечатлен метод расправы с Далай ламой «Unlike the Russians, I prefer not to leave my fingerprints all over the body. But that's the Russians for you. They wanted everyone to know they'd killed Litvinenko. That's why they used polonium...» [1 С. 80]. Этой аллюзией на политический скандал 2006 года об отравлении А.В. Литвиненко радиоактивным полонием-210 Бакли хотел создать более хладнокровный образ военной машины КНР.

Литвиненко работал на британскую и испанскую разведки, обвинял российских чиновников и лично Путина во многих преступлениях после получения политического убежища в Великобритании, где и был убит в собственном доме. Этот скандал произвел большой общественный резонанс в Европе и создал устрашающий образ ФСБ и главного врага демократии и агрессора – Россию. Китай, по замыслу Бакли, имеет больше ресурсов для «идеального» убийства.

В китайской части романа прослеживается некоторая вестернизация персонажей, что видно в образе министра Ло. Он любил сигареты «Marlboros» после пребывания в США по долгу службы. Также его манера выражения гнева и отчаяния «“Save your breath, Comrade,” Lo said. “And spare me having to listen to any more of this shit”» [1. С. 91]. Такие обороты речи характерны для американцев, в этой цитате из китайского только обращение «Comrade».

Персонаж Фа также с элементами вестернизации «...They sipped their whiskeys to the accompaniment of the symphony». В конце повествования Фа и Ган в уборной распивают виски, зачем китайцам американский алкогольный напиток? Если в образе министра Ло его пристрастие к американским сигаретам было обосновано его пребыванием в США, то ситуация с председателем ярым патриотом – не понятно.

Отдельного внимания в романе требуют имена и прозвища главных действующих лиц. Так автор обыгрывает имя председателя компартии Китая: «Mengyao translates roughly as “superior handsomeness”». Привлекательность дается с оговоркой на молодость Фа при немолодом возрасте, он выглядел на 40-45 лет.

Помимо внешних данных автор обыгрывает и спокойный нрав председателя его прозвищем «Ku Gingche: “Cool Limpidity”». Это прозвище раскрывает и простоту характера Фа, отсутствие подлости, дословно «Limpidity» – прозрачность. Первая часть прозвища показывает то, как Мэньяо принимает решения: обдуманные, принимаемые на «холодную» голову. Иными словами, одно прозвище раскрывает психологический портрет персонажа, прямолинейный, открытый и рассудительный руководитель 1/3 населения планеты. Такая характеристика Бакли выражает симпатию и сочувствие к персонажу Фа.

Следующим действующим героем с говорящим именем был министр Ло Говэй, перевод его патриотичного имени был уже представлен выше. Его действия были направлены на урегулирование тибетского вопроса в пользу Китая, но его жестокость и кровожадность отразилась в характеристике его стремительного подъема по карьерной лестнице: «The Great Leap Backward». Здесь автор осуждает военные режимы и для него насилие – это шаг назад, регресс.

Прозвище министра обороны американизировано. Ввиду того, что он курил известные американские сигареты, на пачке которых был изображен ковбой, Ло получил одноименное прозвище «Cowboy». Авторская ирония проявляется в несоответствии имени и действий с прозвищем. Китай около 2 веков оставался закрытой страной, а тут прошло всего несколько десятилетий после создания экономических зон, как появилось пристрастие к американским табачным изделиям и непатриотичное прозвище у госчиновника высшего ранга.

Заключительный, но не менее важный художественный аспект – это топонимы. Бакли использует в основном Алабаму и Вашингтон округ Колумбия в американской части романа, и в скользь упоминает Пенсильванию. Соответственно раскрываются историко-культурные предпосылки неприязни между северными штатами и южными, а также отношение к чиновникам.

В китайской части романа Бакли также использует значимые в культурно-историческом плане места. В Пекине отдельно упоминается площадь Тяньаньмэнь. Ее значение переоценить сложно на ней произошли события 1989 года, когда студенты вышли с лозунгами протеста «Долой продажных чинуш!» [3]. Эти выступления были подавлены народно-освободительной армией Китая, оценки числа погибших сильно варьируются. Протесты происходили из-за перегибов в политике Мао и за аннулирование приговора либерально настроенного генсека ЦК компартии Китая. В результате этих событий многие чиновники поддержали протестующих и произошел сдвиг в сторону либеральных реформ.

Следующей локацией является город Лхаса, также исторически важный город. Бывшая столица независимого Тибетского государства и традиционная резиденция Далай ламы. В буквальном переводе «место богов». Этот город сильно пострадал в результате «Культурной революции» Мао.

ВЫВОДЫ

Сопоставляя выбор локаций для фабулы романа, можно сделать вывод об авторском намерении выставить коммунистический лагерь средоточием насилия и угрозы демократии.

Рассмотрев все вышеуказанные художественные средства, следует заключить, что стиль Кристофера Бакли это талантливое сочетание культурно-исторического подтекста и умения выразить масштабную проблему в комической форме. Автор сумел противопоставить две мировых экономики, две взаимоисключающие идеологии и два абсолютно разных историко-культурных пласта.

Мастерство писателя прослеживается в детально продуманном образе американской действительности с обилием речевых особенностей американцев в разных штатах и культурных реалий современности. Для писателя характерно и раскрытие особенностей коммунистического уклада по средствам стилизации речи и добавлением историко-культурных особенностей другой страны понятным для американцев образом.

Следовательно, американизация китайской стороны оправдана стереотипом американцев о величии США, и еще раз подчеркивает вездесущий характер пропаганды американской культуры.

Отдельной заслугой писателя стоит выделить умение создать образ устрашающего агрессора без употребления гиперболы, Китай в романе получился

милитаризованным агрессивно настроенным государством, неподчиняющимся мировым конвенциям по защите прав человека. Исключительно гуманизм и вера писателя в победу мировой дипломатии объясняют мирный исход конфликта.

Манера написания романов Кристофера Бакли – это уникальная комбинация художественных средств, грамотно подобранных для раскрытия основного замысла повествования и американской традиции пошутить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бакли К., «Они ведь едят щенков, правда?» Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=17842&p=1

2. Сенников Е. Конфуция знал, но не любил. Любимые книги Мао Цзэдуна // Горький, 14.05.2019.

3. Таньаньмыньские события / Дмитриев С.В. // Телевизионная башня – Улан-Батор [Электронный ресурс]. – 2016. – С. 632. – (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004–2017, т. 32). – ISBN 978-5-85270-369-9.

4. Ринкон П., Полоний-210 добыть трудно. Применить легко... Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_6194000/6194590.stm

5. Андреев Л.И. СССР и китайская аннексия Тибета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sss-r-i-kitayskaya-anneksiya-tibeta-1> (дата обращения: 16.02.2023).

6. Богословский В.А., Кузьмина А.М., Лхам Ж., Рахимов Т.Р., Тешилов Н.А., Хамраев М.К. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. – М.: Политиздат, 1975. – С. 107.